

С.В. Скородумов

В.В. РОЗАНОВ О ПРОБЛЕМАХ ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ В СЕМЬЕ И ШКОЛЕ

Наряду с вечными вопросами, ответы на которые являются некой мировоззренческой эссенцией эпох и могут быть развернуты в характерные системы философий, существуют и вечные человеческие проблемы: взаимодействия человека с природой, взаимоотношения полов, существования личности в обществе и т.д.

В ряду вечных проблем цивилизованного человечества одно из центральных мест занимает проблема воспитания, точнее, целый комплекс тесно взаимосвязанных воспитательно-образовательных проблем. Фундаментальность, многоаспектность, первостепенная значимость педагогической проблематики были очевидными еще в глубокой древности. Значительное внимание всегда уделялось проблемам семейного и гражданского воспитания. При этом некоторые мыслители древности именно в семье видели идеал общественных отношений – Платон мечтал об идеальном городе, в котором все общество станет жить как одна семья; Конфуций предлагал сделать сыновью почтительность доминантой общественных отношений. Проблему соотношения семейного (родового, национального) с общественным не обошли вниманием различные религиозные доктрины.

Русская мысль внесла свой вклад в осмысление философско-педагогических вопросов. Здесь уместно будет вспомнить и княжеские поучения своим детям, и советы по домостроительству, сопряженному с миростроительством, и жития святых русской земли. Впоследствии Фонвизин, Пушкин, Гоголь, Тургенев, Достоевский, Толстой и многие, многие другие выдающиеся русские мыслители,

поэты, писатели, педагоги, философы отдали должное всестороннему осмыслению проблем воспитания. В частности, оригинальный подход к вопросам семьи, брака, воспитания детей мы находим у теперь уже вновь известного философа, публициста, писателя В.В. Розанова. Впрочем, Василий Васильевич Розанов более известен ныне как автор «Уединенного», «Смертного», «Апокалипсиса» и прочих, скажем так, общехудожественных произведений, и в то же время мало кому известны философско-педагогические изыскания мыслителя. Восполняя этот пробел, в данной статье мы хотели бы познакомить читателей с некоторыми из них – с основными идеями его произведения «Сумерки просвещения». Предварим, однако, их изложение и попытку комментария необходимым вступлением, приведем связанные с темой статьи биографические данные В.В. Розанова и предельно кратко скажем о проблемах главного «персонажа» розановских произведений – России на переломе веков.

Василий Васильевич Розанов родился в Ветлуге, детство и отрочество провел в волжских городах: Костроме, Симбирске, Нижнем Новгороде. После смерти матери он воспитывался в семье старшего брата – учителя гимназии. По окончании гимназического курса В. Розанов поступил на историко-филологический факультет Московского университета, закончив который, работал учителем истории и географии сначала в Брянской прогимназии, затем в гимназиях городов Ельца и Белого. В общей сложности он около десяти лет работал на ниве просвещения, таким образом, проблемы воспитания и образования знал не понаслышке. «Сумерки просвещения»

выросли не из отвлеченно-философских эзерсисов чистого педагога-теоретика, а как плод многолетних раздумий учителя-практика. Розановское произведение не о какой-то выдуманной школе некой абстрактной страны, но о проблемах школы, семьи, общества России конца XIX столетия. Какой была эта страна, удаленная от нас во времени на более чем вековую дистанцию? Какие проблемы были для неё злободневны? В предельно общей характеристике страны справедливым, вероятно, было бы отметить, что в развитии России конца XIX – начала XX веков отчетливо просматриваются две линии, теснейшим образом переплетенные друг с другом – линии прогресса и регресса. Технический, экономический прогресс, расцвет русской литературы, философии и искусства сочетались с явлениями, несущими в себе угрозу процветанию (и как выяснилось впоследствии, и самому существованию) России. К последним следует отнести медленно решаемый аграрный вопрос, чрезмерное имущественное неравенство, рост политико-духовной оппозиции интеллигенции, бюрократизм и формализм, как ржавчина разъедающие системы госустройства, просвещения, затронувшие также и религиозную жизнь. Следствием кризиса в области духовной жизни общества стало «похолодание» в сфере семейно-бытовых отношений. В России были силы, пытавшиеся предупредить грозящую катастрофу, но в большей степени климат российского общества определялся оппозиционно-деструктивными настроениями, продуцируемыми и всячески подогреваемыми «прогрессивной общественностью». Розанов был в оппозиции: «Я понял, – пишет Розанов, – что в России «быть в оппозиции» – значит любить и уважать Государя, что «быть бунтовщиком» в России – значит пойти и отстоять обедню» [1. С. 459]. Своим творчеством он пытался удержать русский быт (бытие) от распада, предупреждал, что интеллектуально-нравственное благодушие,

духовная успокоенность, родственные, по сути дела, безразличию, сулят гибель России. Критика, обращенная писателем в сторону догматизма и «номинализма» (формализма), укоренившихся в русской жизни, порой была чрезмерно жесткой и болезненной. По силе своего воздействия она зачастую превосходила выпады собственно врагов царской России, однако цель у розановской критики была другая – врачующая. Вышесказанное в полной мере относится и к содержанию «Сумерек просвещения» – характер этого произведения следует определить как конструктивно-критический. Показательно, что запретить публикацию розановских философско-педагогических статей требовал в свое время министр народного образования Делянов, но издание «Сумерек просвещения» продолжилось, и их выход в свет не прошел незамеченным: книга привлекла внимание к проблемам российской школы, многих заставила задуматься о перспективах и следствиях её развития. Автор конструктивно-критических статей высказал целый ряд интересных наблюдений и соображений, прямо или косвенно касающихся проблем взаимоотношений семьи и школы, школы и государства, непосредственно воспитательно-образовательного процесса. Безусловно, многое из написанного в «Сумерках просвещения» устарело, но некоторые мысли далеки от участи экспонатов археологической древности. Так, насколько нам известно, неприятие Розановым чехарды впечатлений, создаваемой поурочной (точнее одноурочной) системой обучения, нашло преемственность отчасти в широком распространении спаренных уроков, но в большей степени в блоково-«эпохальном» погружении в предмет, характерном, например, для вальдорфской педагогики. Впрочем, критика недостатков поурочной системы есть всего лишь содержательная периферия розановского произведения, а центральным моментом определенно является дальнейшее разверты-

вание апологии естественных форм, начало свое имеющей уже в первом большом философском труде Розанова – «О понимании». В «Сумерках просвещения» на первых же страницах Розанов обрушивает всю силу своей критической мощи на искусственность того способа, которым воспитывается человек с момента его вступления в сферу действия официального образовательно-воспитательного механизма. Прочитав рецепт Парацельса по выращиванию искусственного человека в закрытой колбе, Розанов далее пишет: «Эти слова Парацельса об искусственном, помимо природы, способе образования человека невольно припоминаются при взгляде на ту картину, какую представляет Европа в своих попытках образовать, уединяясь от истории, человеческую душу через соединение в ней путем воспитания различных и одинаково ценных качеств» [2. С. 4]. Одним из первых Розанов стал писать об опасностях, которые заключает в себе одностороннее развитие культурно-универсалистской тенденции, понимая, что превращение русского народа в космополитическую массу «Иванов, не помнящих родства» и забывших веру отцов – вполне бы устроило недоброжелателей России. Русского писателя настораживает тенденция конструирования культурного «общечеловека», душа которого формируется его воспитателями путем эклектичного соединения в ней разностильных образцов различных культур. Получивший такое образование человек знает довольно много (точнее – обширно), но живет он как-то вяло – ни холоден и ни горяч проходит он по жизни «спустя рукава». Такой человек толерантен, потому как достаточно безразличен. По мнению Розанова, если получивший хорошее образование человек прикипел душой к какому-либо делу, то это произошло скорее вопреки, а не благодаря всестороннему образованию. Читаем у Розанова: «Только для людей, не стоящих к воспитанию близко, остается тайною эта истина: что

вовсе не наилучшие одаренные полностью душевных даров и даже умственно не наиболее способные с успехом проходят тот тип всюду однообразной, прочно установленной школы, которую мы одну знаем и здесь анализируем, но именно посредственные и часто совсем обделенные. Проходят ее успешно те, которые до возраста 18-20 лет, т. е. до полной зрелости, ничем никогда не сумели заинтересоваться горячо, серьезно» [2. С. 103]. Взрощенный стандартной школой стандартный же *homunculum* представляет собой «горький плод», который «...никто не хочет; государство, церковь, общество, наука, литература, наконец, сама школа с ее представителями одинаково в страхе от ужасающей «интеллигенции», которая ничего не понимает, ни к чему не привязана, ничего не чтит...» [2. С. 44] Чтобы не производить на свет такой «интеллигенции» (в недавнем прошлом было в ходу иное наименование подобного продукта – образованщина), в образовательно-воспитательный процесс, полагает Розанов, следует внести существенные изменения: воспитывать и образовывать сообразно природе и отдельности культур, не допуская сутолоки впечатлений, излишнего уплотнения и схематизации учебного материала. Попробуем разъяснить розановские рекомендации. О «сутолоке впечатлений» мы уже говорили выше в связи с недостатками поурочной системы, вред от излишней сжатости (до схематизма) изложения материала достаточно очевиден и вряд ли здесь нужны какие-либо разъяснения, а посему мы ограничимся только цитатой из самого Розанова. «Сжато, легко, гладко проскальзывали в устремленное к ним внимание земля и небо, океан и суша, пророки и революции, Гомер и электротехника с помощью особых маленьких книжек, где были для этой особой цели абстрагированы природа и люди. Ряд символов почти заменил ряд фактов, живые лица стали только большими и малыми именами. Что усвоить всякую дей-

ствительность через эти символы и бесконечные вереницы слов значило почти то же, что ботанизировать в дровяном складе...» [2 С. 8]. За сжатостью, схематичностью материала теряется «маховый налет» [2. С. 14] индивидуальности. Стоит, пожалуй, отметить присутствие «неокантианских мотивов» в отношении русского философа к существованию закономерности, впрочем, вполне определить место оригинального мыслителя в воображаемой (подобной менделеевской) таблице философских элементов (течений, направлений, школ) невозможно – так доминанта индивидуального простирается у Розанова и в сферу природы, а не только в область наук о духе, как это было собственно у неокантианцев. Розанов после неудачи с его первым философским произведением (работа «О понимании» не привлекла к себе внимания читающей публики и специалистов) уже более не пытался втиснуть жизнь в философскую схему, он стал философом-художником, сокровенный реализм которого заключался в космической задушевности, в умении передать глубину, философичность обыденного, простого, непридуманного. Он был из тех русских писателей, что не рассыпаются в многочисленных признаниях в любви к своей Родине и русским людям, но пишут о них с пониманием и любовью. Можно назвать Розанова консерватором, так как ему не нужно было придумывать нечто совершенно новое, доселе не существовавшее (идеальное государство, идеальный строй, идеального человека), чтобы любить жизнь. Розанов был очарован красотой реальной жизни, подробностями ставшего и становящегося бытия, полагая своей задачей защищать организм реальной жизни, прежде всего устои русского бытия, от механицизма злоумышленников (всякого рода конструкторов) и помогать своевременному устранению препятствий с пути развития потока «живой жизни». Из вышесказанного становится ясным, почему русский писатель

терпеть не мог «прогрессивной российской общественности», почему считал русскую литературу с её однобоко критическим реализмом смертельной болезнью отечества. Можно обозначить (конечно, очень упрощенно) два взгляда, два основных подхода к жизни, к человеку. Назовем условно первый из них механицистско-революционным, а второй – органично-эволюционным. Суть первого подхода (а может быть, и независимого от человека экзистенциального переживания) заключается в неприятии жизни в целом и человека в частности такими, какими они в реальности являются. Адепты «революционизма», например, полагают, что в природе человеческой заложено зло: жестокость, корыстность, лукавство – и вполне логично требуют не идти на поводу человеческой природы, не потакать ей. Соответственно, и жизнь, протекающая обычным естественным порядком, их не устраивает. Жизнь должна быть перестроена, а человек перевоспитан – так, в общем, допустимо определить программу-максимум революционного крыла рода человеческого. Розанов принадлежал к иной его части, к тем людям, кто убежден в разумности действительной «живой жизни», верит в изначальную чистоту и доброту человеческой природы, кто, не отрицая её поврежденности грехом, видит в воспитании органичный, сообразный природе (в единстве духовного и телесного) процесс поправок, исправлений, стимуляций и т. п. приемов возвращивания без коренной ломки. Революционный механицизм представляет жизнь и человека как простую сумму частей, которые можно менять местами или вовсе выбрасывать, заменять новыми без особого ущерба и даже с пользой для целого. Органичный эволюционизм исходит из того, что целое, благодаря системному эффекту, всегда представляет собой нечто большее, чем простую сумму частей; если мы имеем дело с живой целостностью, то необходимо учитывать, что во всех своих час-

тых она присутствует субстанциально, следовательно, нельзя это целое произвольно разбирать и собирать. Целое рождается из целого. Розанов пишет: «В том, что живет, а не существует только, все новое не собирается из частей, но из целого рождается в целом же виде» [2. С. 132]. Каждая культура есть органичная целостность, поэтому воспитать целостную личность нельзя путем искусственного соединения в ней якобы равнозначных (и взаимозаменяемых) культурных комплексов различных культур. Эклектичное соединение разнородных элементов не может образовать культурного человека, и Розанов поясняет почему, по его мнению, это именно так. Он пишет, что сельскому необученному люду недоступны наука, литература, политические страсти, и далее спрашивает: «Но исчерпывается ли этим понятие культуры и что такое вообще она?». Ответ, который дает Розанов, можно сформулировать так: одной образованности, сложности недостаточно для того, чтобы называться культурным человеком. Истинно культурный человек должен нести в себе какой-то культ. «Культура есть все, в чем завит, скрыт какой-нибудь культ», который в понимании русского философа «...есть внутреннее и особенное внимание к чему-нибудь – предпочтение некоторого всему остальному» [2. С. 29]. Российская школа, полагает Розанов, не справляется с задачей воспитания культурного человека, более того, вся казенная система образования устроена таким образом, что умерщвляет все ростки культового (глубоко заинтересованного) отношения к изучаемому. Розанов полагает, что из года в год совершенствующиеся программы, многочисленные руководства, большинство учебников как бы нацелены на то, чтобы разместить поудобнее в памяти ученика как можно больше всевозможной информации, при этом вовсе не берется в расчет главная задача воспитания и образования – зажечь искру Божию в человеке. В резуль-

тате господствующей эклектики и определенной информационной политики в школьном деле, считает автор «Сумерек просвещения», «та «искра Божия», которая светится в человеческом образе часто сквозь мрак, его одевающий, сквозь его грубость, необузданный произвол, невежество, в этих поколениях (воспитанных современной школой – ремарка автора статьи), наружно лоснящихся, ничего выдающегося дурного не делающих, как будто погасла, и её ничто не способно пробудить» [2. С. 10]. Розанов, хорошо знакомый с реальностями школы, отмечает, что школьный механизм работает так, что не дает ученикам, без ущерба для общей успеваемости, проявить особый интерес к какому-либо предмету или изучаемой культурной эпохе. Заинтересуешься чем-то – упустишь остальное, не сможешь быть в числе хороших учеников. Своим стремлением к всеохватности система образования препятствует развитию культурного (от слова культ) отношения к чему бы то ни было. Другим, еще более существенным изъяном системы просвещения, непреодолимым препятствием на пути формирования культурного человека является, по мнению Розанова, отсутствие индивидуального подхода к образованию и воспитанию детей. Очевидно, что образующаяся в головах учеников информационная сутолока (а лучше сказать – каша) приводит к равно прохладному их отношению к различным предметам, культурным феноменам и культурам. Объект воспитания обрабатывается ровно и гладко во всех отношениях и направлениях, вследствие чего его «круглой отполированной душе» нечем зацепиться за преподаваемый материал, да и сам предлагаемый учебными пособиями материал рассчитан на удобное потребление и легкое усвоение. Автор «Сумерек» пишет: «Не только нечем воспитывающимся привязаться к истории, к культуре за недостатком развития в них индивидуальности, но и не к чему в ней привязаться им за устранением в пи-

тающем материале этого же индивидуального, особенного» [2. С. 16].

Представляется, что Розанов был в числе тех мыслителей, кто предвидел выход на авансцену «массового человека» – исправного потребителя и производителя эрзац-культуры. Антикультурность «массового человека» зиждится на поверхностности его знаний и объективистской всеядности культурного потребительства. Некоторые черты «массового человека» обнаруживаются в следующей особенности «современного образования», отмеченной Розановым, который обращает внимание на то, «...что, воспринимая лишь схемы всего действительного, что было прежде и существует теперь, воспитываемые не только ни о чем действительном не имеют понятия, но и имеют ложное и наглое понятие, будто бы все, но лишь без подробностей, они уже знают» [2. С. 17]. Не в «Сумерках просвещения», а в более поздних произведениях Розанов часто использует такую апокалипсическую сентенцию: «и в конце времен охладает любовь». Думается, эти слова вполне подходят для того, чтобы выразить главное опасение Розанова по поводу негативных тенденций в системе образования и шире – развития культуры в целом. В основе культа предпочтении, почитание, любовь. Нет культуры там, где все равно. Культура, если производить это слово от слова «культ», как это делает Розанов, завита вокруг равнодушного отношения и живет внутри (эпохи, предмета, религии). Снаружи, в отстраненности и равноудаленности объективного отношения, – есть знание о культуре, но нет самой культуры. Розанов напоминает нам главную истину, которую в религиозном оформлении можно выстроить так: Бог есть любовь, искра Божия в человеке – это способность к любви, без любви нет истинного знания и не может быть истинной культуры. Размышления Розанова о проблемах образования и воспитания, культуры, семьи основанием своим имеют именно эту про-

стую истину. Кто-то может спросить: «Но где же здесь педагогические новации оригинального русского мыслителя?» – Ответим так – нет никаких формальных новаций, нет придумывания чего-то принципиально нового. Здесь мы имеем дело с напоминанием о том, что новое вряд ли более значимо, чем главное, первостепенное. Казалось бы, странная оппозиция – «новое-главное», но в реальной жизни довольно часто новое противопоставляется «главному» и даже, более того, оттесняет «главное» на задний план – само собой разумеющееся неинтересно, набило оскомину, другое дело, нечто небывалое – такой имеющий свои положительные стороны, но и отрицательные тоже, ход вещей порой приводит к временному торжеству небывальщины. Требуется талант мыслителей-реалистов: писателей, художников, педагогов, чтобы напоминать людям о непреходящей ценности прописных истин.

Одной из таких прописных истин, требующих, по мнению Розанова, напоминания, была (и ныне является) истина, утверждающая первостепенную значимость семьи в воспитательном процессе. Именно в семье «высекается» и пестуется искра Божия в детях, семья любит ребенка не по должности, не по назначению. Розанов не был сторонним религии человеком, но даже если не принимать во внимание религиозность писателя, нельзя не согласиться с бытийной истинностью многих его наблюдений. Незаменимость семьи укоренена в самом ее естестве, и вот как Розанов поясняет этот установленный природой порядок вещей: «Тайны гроба и жизни полнее, целостнее, ярче открыты женщине; она их преимущественная хранительница; и то, что к ней примыкает, – семья может быть полна еще смыслом этих таинств, когда все вокруг его утратили. Мы возвращаемся к школе – разве она теряла ребенка? Вымалывала его жизнь, не скажем у Бога, но хоть бы у «природы»? Итак, может ли, умеет ли, если бы даже хотела, она мо-

литься так горячо страстно, так бояться Бога, как семья, и даже такая, в которой нет «катехизиса»?» [2. С. 134]. Соотнося роль школы в воспитании детей с аналогичной ролью семьи, Розанов окончательно определяет приоритеты. «Повторяем, – пишет автор «Сумерек», – школа дает только посох человеку, которого формирует семья» [2. С. 137]. Семья есть родная ребенку, здесь присутствует родовая интимная среда, близкая его сердцу интонация, в этой среде душа ребенка пребывает в уютном, готовом впитывать впечатления состоянии, и задушевная интонация или, как еще говорят, теплая атмосфера семьи предполагает отзывчивость маленького человека на все воспитательные импульсы. Мы, бывает, говорим о чем-то – «тронуло душу», «задело за живое», представляется, что семья, причем любая семья, обладает в большей или меньшей степени врожденной способностью сохранять душу «без кожуры», открытой и живой, препятствовать её окостенению, семья обладает той «частотой», на которую настроены «приемники» в ней подрастающих детей. По Розанову, семья представляет собой естественное образование, своей «кровеносной системой» она связана со всем «родовым древом»: с собственно родом, далее с городом, волостью, уездом, наконец, со всей национально-религиозной общностью – народом, и ей есть дело до всего «кровного», а школа – «это давно безродный, всюду и от всего отделившийся в своем роде «индивидуум», который, перекочевывая с места на место, льстиво приближается к каждому и уверяет, что ему именно он приходится ближайшим родственником, наследство которого он вправе и должен получить» [2. С. 135]. Розанов, стремящийся всем своим творчеством отсрочить всеобщее духовное похолодание, в частности, распространение казенщины и бюрократизма в деле воспитания детей, высказывался категорически против «освобождения» семьи от воспитательных функций, пере-

кладывания последних всецело на плечи школы. Наоборот, семье и церкви, «а не государственной школе, должен быть предоставлен, по крайней мере, отроческий возраст, от 8 до 12 лет. Его воспитание есть долг семьи, забота прихода; и нельзя, не развращая их, снимать с них этого долга» [2. С. 49]. Воздержимся от оценок предполагаемой Розановым роли церкви в воспитании детей, но отметим, что роль семьи вряд ли была преувеличена внимательным педагогом и социальным мыслителем. Вероятно, Розанов ощущал опасность для жизни общества, исходящую от излишнего огосударствления, стандартизации и коллективизации воспитательного процесса. По мнению философа, современная ему школа с ее массовостью не может быть достаточно внимательной к личности ребенка, и по-сему, так сказать, на выходе из механизма воспитания обнаруживается усредненный стандартизированный продукт. Философ прекрасно понимал разницу между единством и всеединством. Первое в контексте данного противопоставления представляет собой безликое объединение в хорошо управляемую массу. Всеединство же есть сознательное и свободное, иными словами – соборное единение, в котором нет нивелировки личности, напротив, создаются условия для её роста, развития. Надо сказать, что в философском творчестве Розанова вполне естественным образом сочетались апология личности и родового начала. Семья, по мысли русского философа, и есть то образование, где органично соединены два начала, жизненно важные как для конкретного человека, так и для общества в целом – начала личности и естественной общности. Субъекты всеединства не могут быть произведены воспитательным механизмом, они возвращаются в духовно-органичной атмосфере семьи. Школа, полагает Розанов, не должна противопоставлять себя духу семьи, но должна наследовать его и развивать применительно к новым обстоя-

тельствам возраста, места и задач. В качестве некоего идеала школы Розанову представляется мастерская художника эпохи Возрождения. « В цветущие времена пластических искусств всякий именитый художник творил, окруженный толпою им избранных, его избравших учеников. Эти юноши составляли его семью, были свидетелями и участниками его трудов, постоянными его собеседниками» [2. С. 25].

Вполне возможно, что розановские советы и мечты о сохранении в русской жизни определенного религиозно-семейного уклада или о небольшой школе – творческой мастерской, наследующей этот уклад, могут быть расценены как следствия патриархальных иллюзий писателя. Вряд ли имеет смысл отрицать, что с течением времени многое устаревает и исчезает: уходят безвозвратно в небытие особенности старого быта, преобразуются общественные институты, пре-

терпевает существенные изменения сама ментальность народа. Со временем все уже не то и не так, как было раньше – иные обстоятельства, иные мысли. Но все же развитие предполагает не только отрицание, но и сохранение, не исключительно новации, но и традиции. Помня об этой философской истине, возможно, стоит прислушаться к критическим замечаниям и советам Розанова. Думается, бесполезно и интересно было бы для каждого, связанного с областью педагогических проблем, прочитать «Сумерки просвещения», сравнить то, что волновало педагогическую общественность в конце XIX века, с тем, что волнует теперь – в начале века XXI, подумать, являются ли обозначенные автором «Сумерек» дихотомии историческими или экзистенциальными, и вынести самостоятельное суждение о книге и её актуальности.

Библиографический список

1. Розанов В.В. О себе и жизни своей. М.: Московский рабочий, 1990. 876с.
2. Розанов В.В. Сумерки просвещения. М.: Педагогика, 1990. 624с.